
ОБРАЗ КИТАЯ В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАННОГО ОБЩЕСТВА XVII – НАЧАЛА XX В.

Ю.Г. Благодер

Кафедра политологии и права
Кубанский государственный технологический университет
ул. Московская, 2, г. Краснодар, Россия, 350072

С.С. Минц

Кафедра дореволюционной отечественной истории
Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, Россия, 350040

В статье рассматривается роль понятия «образ» в антропологической интерпретации истории общественного сознания, особенности источниковедческой базы историко-антропологического исследования и этапы формирования образа Китая в российском обществе XVII – начала XX в.

Ключевые слова: историческая антропология, общественное сознание, феноменологический подход, системный метод, источниковедческая база историко-антропологических исследований, российская культура, образ Китая, российское китаеведение, китайская цивилизация, китайская культура, межкультурные взаимодействия.

Антропологический взгляд на историю дает широкие возможности изучения общественного сознания и форм его эволюции. Антропология позволяет выстраивать знание об истории по проблемным полям, структура которых постоянно усложняется (1). Общественное сознание с позиций исторической антропологии может рассматриваться в поле, образованном множеством взаимодействий индивидуального и коллективного, массового и профессионального сознания. Его история предстает не только во взаимодействии институализированных форм и оформленных концепций, но и как часть повседневности, окружающей конкретных людей. Результатами таких взаимодействий становятся не только новые знания и накопление исторического опыта, но и развитие сфер культурных трансформаций, формирование новых форм идентичности. Антропологический подход позволяет показать, какую роль в построении индивидуальной и массовой идентичности с функцией культурной и национальной ориентации играют представления о других странах.

При изучении путей и особенностей формирования представлений о других странах стержневым является понятие «образ». Термин «образ» может использоваться в широком и узком смысле. В широком – это «все нако-

пленные и организованные знания человека о себе самом и о мире, в котором он существует» (2).

Более узкое понимание этот термин приобретает, попадая в понятийный аппарат определенных дисциплин. В нем термин «образ» является инструментом с заданными целями и четко очерченными возможностями.

Как операциональная категория понятие «образ» выражает совокупность политических, социокультурных и иных представлений, появляющихся в индивидуальном и массовом сознании. С конца 1970-х гг. понятие «образ» стало выполнять важную функцию в антропологизации интеллектуальной истории и изменении парадигматики историографических исследований.

В российском историческом знании расширенные функции понятия «образ» пока связаны преимущественно с изучением коллективной памяти (включая различные формы исторической памяти) и связанных с ней форм ориентации группового и индивидуального поведения. Они целенаправленно исследуются в сфере этнологии и культурологи. Однако нам ближе понимание категории «образ», складывающийся под влиянием антропологизации интеллектуальной истории в отечественной историографии, например, в рамках проекта «Образы времени и исторические представления в цивилизационном контексте: Россия–Восток–Запад», осуществляемом под руководством Л.П. Репиной (3).

Предлагаемая тема имеет самостоятельную направленность, но в ней много точек соприкосновения с проблематикой, обозначенной в указанном проекте. Для рассматриваемого сюжета важным является одно из значений операционального понятия «образ». Попадая в центр исторического исследования, понятие «образ» обозначает совокупность представлений об изучаемом объекте, находящихся в разной стадии отрефлексированности.

Термином «образ» можно обозначить множество представлений о другой стране: от мимолетных впечатлений до развернутых концепций, подкрепленных солидным научным обоснованием. Историческую антропологию интересует, как взаимодействие таких представлений с социокультурным и историческим опытом влияет на состояние и изменение повседневной жизни и идентичности людей, получающих сведения о других странах.

В данном сюжете речь пойдет о особенностях изучения образа другой страны в контексте российской культуры. На примере трансформации образа Китая в сознании российского образованного общества XVII – начала XX в. рассматриваются понятия, источники и методы антропологической интерпретации истории общественного сознания.

С точки зрения истории общественного сознания в понятии «образ» на первый план выходят цели, для которых получают и в той или иной степени систематизируются сведения о стране. С точки зрения антропологии в центре внимания оказываются люди, собирающие эти сведения. Образ Китая создавался на основе субъективных свидетельств людей, побывавших в этой стране или изучавших ее историю, политику и культуру. Первоначаль-

но это были послы и купцы, позже – ученые, путешественники, военные, миссионеры, дипломаты. Степень осведомленности, социокультурные установки, столичный или провинциальный образ жизни человека, активность, уровень образования, наличие познавательного интереса самого автора – носителя информации или окружавших его людей и коллективов определяли отбор тем и характер описаний.

В статье под понятием «образ Китая» выступает созданный в России обобщенный портрет народов, проживавших в XVII – начале XX в. в северо-западной, северной, юго-восточной частях Китая и на его восточном побережье. Наиболее многочисленной была этническая общность (хань), к ней добавлялись черты нескольких национальных меньшинств ху (сюнну, маньчжуры, кидане), ди (цяны, тангуты), мань (мяо-яо, чжуан) (4) и др. Созданный портрет долгое время был упрощенным, схематизированным, эмоционально окрашенным, но, несмотря на упрощенность, а может быть, и вследствие нее, – чрезвычайно устойчивым. В сознании людей, мало знакомых с жизнью загадочной восточной страны, этот этнокультурный стереотип переносился на государство в целом и принимал расширительный характер. Образ Китая был своеобразным продуктом восприятия нашими соотечественниками не всегда ими понятых реалий китайской повседневности.

В антропологическом ключе изучение представлений о жизни китайского общества проводится через осмысление российской культурной традиции. Благодаря антропологии изучение эволюции образа Китая в России XVII – начала XX в. вписывается в феноменологическую парадигму, успешно осваиваемую отечественной исторической наукой на уровнях теории и практики со времен А.С. Лаппо-Данилевского (5).

Образ малознакомой страны создавался россиянами при помощи сопоставления ожиданий, сформированных на основе эталонов собственной системы ценностей (в XVIII–XIX вв. в большей степени элитарных представлений), с увиденной действительностью. Он в разной степени совпадал с реальностью, но, безусловно, не был ей тождественен.

На восприятие информации о Китае и ее оценки в российском обществе влияли разные факторы. Значительным было влияние ситуативных причин: приграничных конфликтов, недоразумений из-за незнания посольского этикета, неточных переводов документов, вмешательства и интриг западноевропейских миссионеров и т.д. Сказывалось воздействие международных политических процессов (раздела сфер влияния, экспансии европейских государств) или состояние общественно-политической мысли внутри страны и в Европе, изменение культурологических представлений и культурных предпочтений (например, мода на китайские вещи в рамках европейской культуры рококо). Со временем приобретаемый опыт заставлял путешественников, купцов, профессиональных дипломатов и военных менять свои представления о стране. Известную трансформацию образ Китая претерпевал и в массовом сознании россиян, прежде всего, – образованного дворянства. Российская интеллекту-

альная элита стала специально интересоваться восточными культурами преимущественно под воздействием творчества европейских просветителей.

В духе просветительства, и особенно под влиянием культуры романтизма, Китаю, как и другим восточным странам, приписывались то идеально положительные, то предельно отрицательные черты.

Идеализированное представление о восточных культурах, в том числе и китайской, в известной мере влияло на трансформацию романтической эстетики в России, а также на конкретизацию представлений россиян о национальном. Ориентация на совершенный образ китайской духовной системы возвышала российского интеллектуала над окружавшей его обыденностью, а низвержение легендарных символов порождало в его сознании жестокое разочарование и провоцировало преобладание негативных оценок.

Сбалансированный образ Китая, как и образы других стран, складывался в сознании россиян постепенно, по мере профессионализации представлений людей, посещавших страну или целенаправленно изучавших ее историю и культуру.

Впрочем, научная информация о Китае долгое время была не особо востребована широкими слоями российского населения. Из-за нестабильной политической обстановки в Центральной Азии долго не происходило масштабного расширения российско-китайского сотрудничества как на бытовом, так и на межгосударственном уровнях. В массовых представлениях о Китае даже в начале XX в. оставалось немало недостоверного.

Антропологический взгляд на историю общественного сознания существенно расширяет источниковедческую базу изучения образа другой страны. Историки общественного сознания опираются преимущественно на письменные источники и сформированные представления. Антропологический подход требует привлечения системы источников разных типов. На первый план выходит не набор свидетельств, а *соотношение* повседневных разговоров, профессиональных инструкций, ученых бесед, образовательных и просветительских технологий, хозяйственных связей, бытовых вещей, предметов искусства, различных каналов распространения информации о стране. Феноменологический подход реализуется в изучении эволюции образа другой страны через сопоставление сведений о ней с культурой своей страны, а системный метод становится необходимым инструментом исследования.

О том, как складывался образ Китая в сознании россиян, можно судить по различным источникам. По типам они делятся на вещественные, письменные, устные и изобразительные. По видам и разновидностям – на устные рассказы, слухи, официальные документы распорядительного вида, делопроизводственную документацию, экспедиционную документацию (их наиболее информативной частью были дневники наблюдений), путевые заметки, опубликованные автономно документы личного происхождения, официальную и личную переписку, предметы домашней утвари и личного обихода, изделия декоративно-прикладного и ювелирного искусства китайских

мастеров или их европейские имитации, изображения «китайских диковин», выполненных путешественниками.

Представления о Китае складывались в поле усложнявшейся повседневной жизни, начиная с интереса приграничного российского населения к соседям и далее по мере расширения ареала распространения интересов вплоть до сословно-корпоративных и общегосударственных.

Каналы распространения информации о Китае делили сведения, наблюдения и предметы, дававшие знания о малоизвестной стране, на удобные, любопытные, модные, социально и культурно репрезентативные, полезные, познавательные.

Соотношение форм источников имело значение для темпов оформления знаний о стране и закрепления их в сознании определенной аудитории. Познавательная интенция закладывалась в устные и письменные свидетельства, появлявшиеся на основе наблюдений или их осмысливания.

В создании устойчивых стереотипов восприятия Китая большую роль играла визуализация образа страны, которая происходила, как правило, на основе устных и письменных свидетельств, осмысленных через индивидуальный или коллективный социокультурный опыт, но закреплялась вещественными источниками, придававшими складывавшимся образам конкретную форму.

Геополитические интересы объединяли разрозненные сведения о Китае в целостный образ, характер которого менялся в зависимости от изменений потребностей региона, вовлеченного в его формирование. Зарождался образ Китая на Дальнем Востоке и в Сибири, тяготеющих к Китаю в силу природно-климатического, этнокультурного и геополитического потенциала регионов.

В этот период представления россиян о Китае зависели, прежде всего, от задач обустройства быта местного населения. Столицы и центральные регионы, тяготеющие к Европе с ее социокультурными и геополитическими интересами, создавали образ Китая, более далекий от реалий конкретной китайской жизни, но продиктованный в первую очередь государственными интересами в целом. На периферии, отдаленной от Китая и столичных культурно-политических центров, информация о далекой стране тоже появлялась и складывалась в устойчивые стереотипы, но значительно позже и в основном под воздействием печатной продукции и средств массовой информации.

По степени распространенности сведений и предметов источники делились на массовые (повседневные) и уникальные (коллекционные). По своим потребительским свойствам – на приобретаемые спонтанно, «по случаю», или собиравшиеся по специальному распоряжению, на «заказ». Последний мог формулироваться как частными лицами, так и определенными структурами (Кунсткамерой, Академией наук, например) или даже государственными институтами (Посольским приказом, его приемниками Коллегией и Министерством иностранных дел или каким-либо военным ведомством).

Познавательные свойства поступавшей информации давали основание для формирования полей профессионального интереса. Степень отрефлексированности сведений о стране зависела не только от погружения наблюдателей в жизнь китайского общества, но и от функционального назначения свидетельств. По функциям сведения и предметы делились на прагматические (приносящие немедленную пользу), потенциально полезные (любопытные, ценимые за исключительность или редкость, имеющие не очень ясное назначение, но престижные уже своим фактом принадлежности конкретному лицу или институту).

С развитием профессиональных представлений о Китае выделяется комплекс фундаментальной информации, необходимой для последующих системных изменений в сознании и образе жизни россиян.

Таким образом, в истории формирования образа Китая можно проследить определенную хронологическую, географическую, социально-экономическую, социополитическую и социокультурную зависимость.

В формировании и эволюции представлений россиян о Срединной империи можно выделить следующие периоды.

1600–1675 гг. – время поступления в Россию первых, достаточно разноречивых сведений о диковинном государстве, абсолютно непохожем на другие как основополагающими политическими и экономическими принципами его организации, так и складывавшимися в течение многих столетий культурно-историческими традициями.

Знакомство русских с Китаем началось в последние десятилетия правления династии Мин (1600–1644 гг.) с кратких рассказов служилых людей (И. Белоголова, Т. Петрова, И. Куницына, В. Тюменца, И. Текутьева), которые побывали в монгольских землях, граничивших с китайским и с русским государствами (6).

Со временем немногие очевидцы событий, происходивших в Срединной империи, возвращаясь на родину, привозили предметы китайского искусства, а также составляли «Статейные списки» (отчеты русских посольств о пребывании в иностранных государствах), хроники своих путешествий (7). В них нашли отражение самые яркие впечатления и занимательные сюжеты. Благодаря этим источникам русское образованное общество открыло для себя Китай. Первые русские «послы» (казак И. Петлин, московский дворянин, воевода Ф. Байков, купец С. Аблин, казачий десятник И. Милованов (8)) были людьми разного уровня культуры и писательского таланта. Тональность каждой из записок зачастую зависела от характера приема, оказанного авторам в Пекине, и от политической обстановки на родной земле. Благодаря устным и письменным свидетельствам московская и сибирская знать узнавала о самодержавной власти и хозяйственной жизни Китая, оборонительных сооружениях и торговле, городском и провинциальном строительстве, возделывании различных культур и ремеслах.

Недостаток достоверных знаний способствовал распространению всякого рода домыслов о нравах и обычаях неведомого восточного народа. В малонаселенной Сибири при мобильном служилом сословии, составлявшем значительную часть колонистов, устные рассказы распространялись довольно быстро. Достигая столицы, они обрастали долей вымысла и уже в подобном виде формировали новые и трансформировали сложившиеся ранее представления о чужих землях и их обитателях. В правительственных кругах ориентировались в большей степени на письменные свидетельства, предоставляемые первоначально в сибирские приказные избы, а затем в Посольский приказ участниками дальних походов.

Последняя четверть XVII – конец XVIII в. – период, отмеченный потребностью в увеличении информации о китайской культуре вследствие роста интереса Российского государства к своим зауральским владениям и расширения связей с Китаем. Постепенно массовое и профессиональное сознание россиян начинало подпитываться все большим числом реальных фактов, доводимых до слушателей участниками долгих и дальних походов в неведомые ранее земли.

Наиболее значимыми событиями в развитии русско-китайских отношений последней четверти XVII в. явились дипломатическая миссия ученого, политика и знатока тонкостей восточной политики Н.Г. Спафария (1675–1678), переговоры и подписание близ Нерчинска первого русско-китайского договора, осуществленные государственным деятелем и дипломатом Ф.А. Головиным (1689), и торговое посольство коммерсанта И. Идеса (1692–1695).

Многие путешественники отмечали своеобразие китайской культуры и религии, неповторимую, непривычную российскому глазу красоту искусства и архитектуры, сложность множества ритуалов. Однако в записках и посольских документах имела место известная идеализация китайской политической системы (9). Многое еще оставалось непонятным россиянам или было понято ими ошибочно в результате искренних заблуждений.

В общем плане Китайская империя представлялась достойным внимания партнером. Налаживание торговых связей с ним могло принести пользу. С течением времени этот прагматический взгляд закрепился во внешней политике России, однако формы его реализации и приоритетные задачи менялись в зависимости от конкретных исторических обстоятельств.

В XVIII в. Китай рассматривался в России в рамках геополитических представлений, формировавшихся европейскими, прежде всего французскими просветителями. Их труды оказывали в тот период огромное влияние на мировоззрения российской интеллектуальной элиты.

По Кяхтинскому договору 1727 г. в Пекине была учреждена постоянная Русская Православная миссия, которая на многие десятилетия стала оплотом российской китаеведческой науки. Ее сотрудники А. Леонтьев, А. Агафонов, А. Владыкин, С. Липовцев «вошли в историю российского китаеведения как его практические зачинатели» (10).

Оказали существенное влияние на развитие российско-китайских отношений официальные визиты в Китай российских подданных во главе с Л.В. Измайловым (1719–1722), С.Л. Владиславичем–Рагузинским (1726–1728), В.Ф. Братищевым (1757–1758), И.И. Кропотовым (1762–1763). Документальные свидетельства дипломатов и их спутников наполнены увлекательными рассказами, дававшими российскому обществу довольно широкое представление об этой восточной стране.

Авторы не заостряли внимание на событиях глубокой древности, они наблюдали и фиксировали все увиденные и имеющиеся, по их мнению, значительные особенности китайской жизни (11). Дополняя друг друга, воспоминания путешественников формировали впечатляющий образ дальневосточной державы, но не давали полного представления о ней. В России китайские вещи и самих китайцев долго воспринимали как диковинку. Впрочем, «диковина» – это эстетическая категория культуры того времени.

Большое влияние на формирование образа Китая в сознании россиян сыграло знакомство с миром вещей китайской культуры.

Китайские изделия обращали на себя внимание необычным материалом, странными формами, неожиданными цветовыми решениями, непонятными сюжетами. Они поступали в Российскую империю неравномерно и были разного качества. В приграничных и сибирских регионах пользовались китайскими предметами, сообразуясь исключительно с практической пользой и выгодой. Жители столицы и крупных городов центральной полосы России больше интересовались раритетами. Это, в свою очередь, привносило коррективы в представление о Китае. Подавляющее большинство коллекций китайских «диковин» в Санкт-Петербурге, Москве и крупных городах Центральной России формировались как собрание курьезов. О том, что в страну привозились в основном диковинные образцы, мы видим из документальных материалов (12). Начиная с петровских времен в России складываются серьезные художественные и этнографические коллекции в Кунсткамере и в императорских дворцах Петербурга, Петергофа, Царского Села, Ораниенбаума. Великолепные кабинетные коллекции картин, фарфора, ковров, шелка, вееров появлялись в особняках знати. Коллекции стали свидетельством тонкого вкуса их обладателей и неуклонного расширения сферы интереса к культуре, нравам, обычаям и истории народов Востока.

Впрочем, у большинства российских аристократов преобладал интерес не столько к культуре китайского народа, сколько к украшавшим интерьеры дорогим экзотическим изделиям, секрет изготовления которых был неизвестен Западу. Восточная обстановка постепенно становится знаком социального престижа, свидетельством высокого статуса владельца.

Итогом знакомства с Минской (позже Цинской (13)) империей к концу XVIII в. было то, что Российское государство получило пусть и не во всем достоверное, но целостное представление о сопредельной державе. Эволюция образа Китая в центральной России происходила преимущественно бла-

годаря предметам искусства и в основном под влиянием традиций европейского Просвещения, идеализировавшего восточную культуру. Элементы подлинной и искусственно созданной китайской традиции начинают занимать весомое место в культуре раннего романтизма и оказывают заметное влияние на формирование эстетических вкусов и пристрастий российской элиты.

Начало XIX – вторая треть XIX в. – время, когда зарождается академическое направление российского китаеведения, появляются востоковедческие классы и факультеты в учебных заведениях разных ступеней (от школ переводчиков до университетов), делают первые шаги научно-просветительские организации, интересующиеся восточными культурами, в том числе и китайской, расширяется тематический спектр опубликованных сочинений, посвященных Цинской империи. К изучению Китая привлекаются новые силы; более реалистичные представления о нем начинают распространяться и за рамками элитарной культуры.

По мере продвижения России в Азию перед учеными, путешественниками, дипломатами и купцами ставились все более четкие дипломатические и торговые задачи. Нужно было предпринимать попытки упрочения добрососедских связей и расширения взаимовыгодной торговли с восточными соседями. Одним из них оказался Китай. В 1805–1806 гг. был направлен в Пекин чрезвычайным и полномочным послом российского правительства граф Ю.А. Головкин. В 1820–1821 гг. при пекинской Духовной миссии работал сотрудник Азиатского Департамента Е.Ф. Тимковский. В начале XIX в. из собраний документов Посольского приказа и Коллегии иностранных дел была сформирована единая тематическая коллекция дел по сношению с Китаем (14).

Изучением Китая и публикацией результатов своих исследований занимались сотрудники Русской Духовной миссии в Пекине. Их деятельность была весьма многогранной. Члены Миссии (Н.Я. Бичурин, С. Грибовский, И.П. Кафаров, П.И. Каменский, Д.С. Честной, В.В. Горский, К.А. Скачков, И.И. Захаров и другие), владея китайским и маньчжурским языками, переводили и комментировали местные исторические и литературные источники.

Важнейшим проводником научного знания о Китае для российского общества первой половины XIX в. был о. Иакинф (Н.Я. Бичурин). В 1807 г. его назначили начальником Русской духовной миссии в Пекине. Он оставался там до 1820 г.

Вернувшись в Россию, Н.Я. Бичурин привез с собой много уникальных китайских книг. Последующие годы исследователь занимался обработкой накопленных материалов, переводами новых текстов и публикацией статей и книг (15). Его многочисленные работы 1810–1840-х гг. сформировали основу классических научных знаний во многих областях китаеведения.

В школах при Академии наук и Коллегии иностранных дел (с 1798 г.) с помощью специалистов, обучавшихся в Пекине, было начато изучение ки-

тайского языка. С 1815 г. специальные классы восточных языков имел Лазаревский институт в Москве. В 1818 г. в Петербурге был открыт Азиатский музей. Это событие стало знаменательным в культурной жизни России, предоставив отечественным востоковедам серьезную научную базу для обучения востоковедению и изучения Китая.

В 1837 г. на восточном отделении Казанского университета была открыта кафедра китайского языка, а еще через семь лет – маньчжурского (16). В 1854 г. научные коллекции, собранные в Казани, переводятся в Петербург, где при университете начал работу факультет восточных языков.

Особый вклад в распространение знаний о китайской культуре вносили специализированные провинциальные образовательные учреждения в Кяхте, Тобольске, Омске, Томске. В губерниях с «инородческим» населением было введено преподавание местных восточных языков.

Как видим, уже в первой половине XIX в. китаеведение начинает находить своих сторонников в сфере дворянской и разночинной интеллигенции, получает поддержку государственных структур, общественных, научных и общеобразовательных организаций. Среди них Министерство иностранных дел, Императорская Академия наук, Императорское Русское географическое общество (ИРГО), Императорское Русское археологическое общество, Международная ассоциация для изучения Средней и Восточной Азии, Императорское Русское общество востоковедов.

Большую положительную роль в распространении знаний о Китае сыграл журнал «Сибирский вестник», выходивший в 1818–1825 гг., а затем в 1825–1827 гг. продолженный под названием «Азиатский вестник». Находят своего читателя первые номера журнала «Известия» ИРГО. В этот период увидели свет воспоминания о Китае Е.П. Ковалевского, П.В. Добеля, Е.Ф. Тимковского, И.А. Гончарова и др. (17).

1800–1860-е гг. сыграли особую роль в эволюции образа Китая в сознании российской интеллектуальной элиты. Для этого времени характерны увеличение потока информации о Китае, профессионализация форм и способов ее обобщения. Благодаря европейской литературе, научным трудам сотрудников Российской Духовной миссии в Пекине, занимательным рассказам участников официальных российских посольств и научных экспедиций, коллекциям предметов декоративно-прикладного искусства элементы китайской культуры начинают занимать достаточно весомое место в формировании эстетических вкусов и пристрастий российской элиты. Основы китаеведения складываются, тем не менее, в тиши кабинетов и вдали от внимания широкой общественности. На уровне массового сознания русская культура того времени была еще достаточно равнодушной к китайцам и «китайщине».

Последняя треть XIX – начало XX в. – следующий период в эволюции образа Китая в сознании российского образованного общества. Профессионализация образа Китая ускоряется под влиянием международных социаль-

но-экономических и политических процессов, расширения геополитических интересов Российской Империи, появления новых каналов поступления в Россию информации о Китае. Развивается и крепнет российское китаеведение, оно приобретает международный авторитет. Материалы периодической печати делают достоянием массового читателя сведения о Китае, отражающие динамичный социокультурный «портрет» китайского общества. Образ Китайской империи претерпевает значительную трансформацию. В своих институализированных формах (представлениях ученых-китаеведов, дипломатов, политиков, военных) он становится достаточно реалистичным, довольно полным, разносторонним. Под влиянием СМИ и социокультурных экспериментов, ставших особенно заметными в творчестве культуры Серебряного века, образ Китая выходит за рамки элитарной культуры и становится частью повседневной жизни горожан.

В связи с изменением международной обстановки в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии и геополитических интересов России в этом регионе в конце XIX – начале XX вв. особое внимание стало уделяться расширению сферы деятельности российских дипломатов и военных. Документы фондов Архива внешней политики Российской Империи позволяют оценить вклад, который внесли в развитие отечественной науки представители дипломатического корпуса: Н.Н. Балкашин (18), И.Я. Коростовец (19), И.В. Падерин (20), Д.Д. Покотилев (21), Н.Н. Кротков (22) и др. (23).

Появляются крупные военно-востоковедческие центры в Санкт-Петербурге, Тифлисе, Ташкенте, Хабаровске, Владивостоке, Харбине. Подготовка кадров военных востоковедов велась на офицерских курсах восточных языков при Азиатском департаменте МИД (Санкт-Петербург) (24), в офицерской школе восточных языков (Ташкент) и на офицерском отделении Восточного института (Владивосток). Офицеры-востоковеды, несшие продолжительную специфическую службу на азиатских окраинах России, были вовлечены в процесс научного изучения Востока. Заслуги в изучении Азии офицеров-путешественников Н.М. Пржевальского, В.И. Роборовского, М.В. Певцова, М.В. Грулева, П.Н. Краснова, П.К. Козлова, талантливого переводчика китайской литературы и составителя словарей и учебных пособий по изучению китайского языка П.В. Шкуркина, помощника российского военного агента в Китае (1903) А.Е. Вандама и других были высоко отмечены Российской Императорской Академией наук, ИРГО, зарубежными научными учреждениями.

Русское Географическое общество стало подлинным «штабом» научных исследований Китая, проводимых нашими соотечественниками. В многочисленных журналах ИРГО («Известиях», «Вестнике», «Ежегоднике», «Записках»), рассчитанных на образованного читателя, публиковались материалы о Китае. В очерках, хрониках, рецензиях регулярно помещался ценнейший материал по истории, этнографии и географии восточных стран,

включая Китай. Его представляли российскому читателю дипломат И. Матвеев, историки В. Васильев и В. Алексеев, уже упоминавшиеся военные востоковеды, сотрудники Православной миссии в Пекине.

По инициативе и при непосредственном участии В.Р. Розена с 1896 г. в Санкт-Петербургской типографии Императорской Академии наук начал выходить журнал «Записки восточного отделения Русского археологического общества». Новый журнал объединил все научные востоковедческие силы России и благодаря их стараниям получил мировое признание. В нем публиковали отдельные фрагменты своих исследований Китая С. Георгиевский, А. Позднеев, А. Ивановский, В. Алексеев, представляли географические характеристики Срединной империи З. Матусовский, Н. Веселовский, Г. Потанин и др.

Действовавшее в Казани научное общество, активно сотрудничая с Иркутским, Томским и Красноярским музеями, в 1878–1917 гг. регулярно издавало сборник «Известия Казанского общества археологии, истории и этнографии».

Многочисленные археологические открытия, сделанные россиянами, привели к образованию «Международной Ассоциации для изучения Средней и Восточной Азии». За время своего шестнадцатилетнего существования Санкт-Петербургскому комитету Ассоциации удалось организовать и снарядить ряд крупных экспедиций в Восточный Туркестан, Западный Китай, Тибет, Индию и на Памир.

С 1900 г. в столице существовало «Русское Императорское общество востоковедов». Оно имело несколько провинциальных отделений, занимавшихся научно-практической деятельностью. Спустя несколько лет, объединившись в новое «Общество русских ориенталистов», востоковеды активизировали свою теоретическую и практическую деятельность. Не менее плодотворной была работа Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Он действовал с 1903 г. (25).

В этот период весьма многогранной была деятельность Русской Духовной миссии в Пекине. В ней активно работали священники – архимандриты Палладий (П. Кафаров), Амфилохий (А. Лутовинов), Флавиан (Н. Городецкий), иеромонахи Гурий (Г. Карпов), Алексей (А. Виноградов), Николай (Н. Адоратский); светские специалисты, командированные для выполнения определенных профессиональных задач (дипломат И. Орлов, историки К. Скачков, В. Миротворцев, художники К. Корсалин, А. Легашов, А. Игорев, врачи О. Войцеховский, П. Кирилов, А. Татарин, С. Базилевский); студенты-переводчики, желающие совершенствовать знание восточных языков (А. Рудаков, П. Шмидт, П. Россов). Большинство из них выполнение своих прямых обязанностей совмещали с плодотворной исследовательской работой. Образованная публика могла ознакомиться с ее результатами на страницах академических, отраслевых, исторических, литературных и литературно-политических периодических изданий.

В конце XIX в. у российских китаеведов появляется больше возможностей популяризации основ китайской культуры. Несколько поколений представителей различных слоев российской интеллигенции принимали участие в пополнении литературными памятниками, предметами китайского искусства и быта уже существующих в столице и провинции постоянных академических и частных собраний. Создавались и новые коллекции, организовывались временные экспозиции. Музейные фонды с этнографическими коллекциями и иллюстративным материалом (рисунками путешественников, фотографиями, образцами китайской живописи) конкретизировали сведения о стране.

Экспонаты формировали представление об основных занятиях населения (земледелии, ремеслах, торговле) и быте различных слоев общества (парадной и повседневной одежде, пище, материале для построения жилищ, домашней утвари).

Собрания знакомили специалистов и публику с замечательными традициями китайского ювелирного и прикладного искусства (фарфоровой посудой, расписными и перегородчатыми эмалями, веерами, резьбой по кости и дереву, бронзовой скульптурой и т.д.). Большой интерес вызывали предметы, связанные со зрелищным искусством (кукольным театром, театром актеров, музыкальными инструментами).

Историческое сознание российской элиты формировалось в парадигме европейских научных представлений. Нечеткость российско-китайских границ, удаленность Срединной империи от центральных районов России, невысокая интенсивность контактов с Китаем не способствовали активизации формирования образа Китая в историческом сознании россиян. Поляризация мнений российских китаеведов о соотношении христианской и восточных цивилизаций была созвучна духовным и политическим разногласиям философов и общественных деятелей. Однако российская академическая наука не приветствовала односторонний подход некоторых отечественных и западных коллег, трактующих самобытные традиции и ценностные установки других народов исключительно в патриархально-религиозном духе (26).

Расширение спектра интересов России на Дальнем Востоке, Центральной и Восточной Азии усиливало внимание периодики к государствам названного региона. Журналы и газеты четче определяли свою специфику в содержании и оформлении, нежели монографии. В России информация о Китае стала появляться не только на страницах академических и специализированных изданий, но и в литературных и литературно-политических журналах. К сожалению, часто она была обрывочной и разрозненной.

В конце XIX – начале XX в. в сознании россиян постепенно рассеивается представление о Китае как о стране-загадке. Географические и этнографические экспедиции, переводы китайской литературы, привлечение внимания к одним фактам и отрицание других, смещение акцентов в освещении

тех или иных событий китайской истории, создание коллекций предметов китайского искусства вносили серьезные коррективы в тот довольно фантастический образ, который господствовал в сознании российской элиты (преимущественно аристократии) предшествующих столетий.

Опыт международного и межэтнического взаимодействия позволил российским исследователям развеять некоторые заблуждения относительно Китайского государства, выделить в китайской культуре и истории черты, которые не соответствовали западным идеалам и походили на отрицательные характеристики самодержавной России.

Многие черты китайской культуры заинтересовали образованных россиян.

Среди них увеличивалось количество людей, увлекавшихся китайской культурой, наукой и философией, восхищавшихся ими и стремившихся узнать о них как можно больше. «Новый» образ Китая позволил россиянам увидеть в ином свете многие явления не только китайской, но и собственной жизни.

Понятие «образ Китая» показывает, как усилиями различных представителей российской интеллектуальной элиты постепенно трансформировались массовые и элитарные, обыденные и профессиональные представления о Китае, как они помогали осознанию специфики российской социокультурной и политической идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Румянцева М.Ф. Линейная/нелинейная темпоральность в истории // Образы времени и исторические представления. Россия–Восток–Запад / Под ред. Л.П. Репиной. – М., 2010. – С. 37.
- (2) Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структуры поведения. – М., 1965. – С. 33.
- (3) См. подробнее: История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. – М., 2006; Образы времени и исторические представления: Россия–Восток–Запад / Под ред. Л.П. Репиной. – М., 2010.
- (4) Малявин В.В. Китайская цивилизация. – М., 2001. – С. 32–33.
- (5) Подробнее об этом см., напр.: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. – М., 2006; Медушевская О.М. Теория когнитивной истории. – М., 2008; Румянцева М.Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской. Статья первая // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». – 2009. – № 4. – С. 12–22; Она же. Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской. Статья вторая // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». – 2010. – № 7. – С. 11–27; «Круглый стол» по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории». 13 дек. 2008 г. в Ист.-арх. ин-те РГГУ // Российская история. – 2010. – № 1. – С. 131–165.
- (6) Отписка томского воеводы В.В. Волынского в Приказ Казанского дворца о неудачном посольстве томского конного казака И. Белоголова с товарищами к мон-

- гольскому Алтын-хану и в Китай // Русско-китайские отношения в XVII веке: Мат-лы и док-ты / Под ред. Н.Ф. Демидовой, В.С. Мясникова. – М., 1969. – Т. 1. – С. 39; Из расспросных речей в посольском приказе служилых людей Томилы Петрова и И. Куницына о поездке в калмыцкую землю и встрече там с китайскими послами // Там же. – С. 50; Расспросные речи в Томской приказной избе служилых людей В. Тюменца и И. Текутьева о посольстве к Алтын-хану // Там же. – С. 48.
- (7) Там же: Расспросные речи в приказе Казанского дворца томского казака И. Петлина с товарищами об их поездке в Китай. – С. 92–95; Роспись Китайского государства и монгольских земель, составленная томским казаком И. Петлиным. – С. 79–90; Статейный список посольства Ф.И. Байкова в Цинскую империю. – С. 169–192; Сказка в тобольской приказной избе тобольского служилого бухарца Сеиткула Аблина и казака И. Тарутина об их поездке в Цинскую империю. – С. 288–293; Расспросные речи нерчинского сына боярского И. Милованова перед Н.Г. Спафарием в Букее о поездке в Цинскую империю. – С. 490–491.
- (8) Петлин Иван (кон. XVI – 1-я четв. XVII в.). Глава русской миссии в Пекин 1618–1619 гг. Принадлежал к казачьему сословию. Служил в Томске, Тобольске. Владел языками пограничных России дальневосточных народов (толмач). Байков Федор Исакович (1612–1663?). Московский дворянин, воевода. Посол царя Алексея Михайловича в Пекин 1654–1657 гг. Благодаря неординарным личным способностям и качествам посадского населения из мусульман, выходцев из Средней Азии и Восточного Туркестана, сложившейся еще до присоединения Сибири к России. В 1662 г. едет в Китай в качестве второго посла при И. Перфильеве. Глава торговой миссии в Китай 1668–1671 гг. Милованов Игнатий (?). Нерчинский казачий десятник, глава посольства в Пекин в 1671 г.
- (9) Статейный список посольства Н.Г. Спафария в Цинскую империю // Русско-китайские отношения в XVII веке... – С. 346–458; *Идес И., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). – М., 1967.
- (10) *Ефимов Г.В.* Историко-библиографический обзор источников и литературы по Новой истории Китая. – Л., 1970. – С. 10.
- (11) Статейный список посланника Л.В. Измайлова о посольстве в Цинскую империю // Русско-китайские отношения в XVIII в.: Мат-лы и док-ты (1700–1725 гг.). – М., 1978. – С. 186–229; Записки Г.И. Унферцагта о путешествии в Цинскую империю // Там же. – С. 555–585; Записки Л. Ланга о поездке в Пекин // Там же. – С. 487–498; Записки Д. Белла о путешествии в Цинскую империю в 1719–1722 гг. // Там же – С. 498–554; Путевой журнал С.Л. Владиславича-Рагузинского // Русско-китайские отношения в XVIII в.: Мат-лы и док-ты (1725–1727 гг.). – М., 1990. – С. 187–218; Записка С.И. Писарева о путешествии в Цинскую империю в 1725–1728 гг. // Там же. – С. 214–528; Журнал путешествия И.И. Кропотова в Китай // Общество и государство в Китае: VII науч. конф. Ин-т востоковедения. – М., 1976. – Ч. 2. – С. 219–249.
- (12) Выписка, составленная в приказе Большой казны, о товарах, привезенных из Цинской империи, Ф.И. Байковым, И.С. Перфильевым и Сеиткулом Аблиным // Русско-китайские отношения в XVII в.: Мат-лы и док-ты. – М., 1969. – Т. 1. – С. 251; Статейный список посольства Н.Г. Спафария в Цинскую империю // Там же. – С. 428; Роспись подарков императора Сюань Е императору Петру I и приходно-расходная книга // Русско-китайские отношения в XVIII в.: Мат-лы и док-ты (1700–1725 гг.). – М., 1978. – С. 276; Выписка из статейного списка С.Л. Владиславича-Рагузинского, сделанная в Коллегии иностранных дел, о его пребывании в Пекине, о возвращении на границу и о завершении посольской миссии // Россий-

- ско-китайские отношения в XVIII в.: Мат-лы и док-ты (1725–1727 гг.). – М., 1990. – С. 450.
- (13) Династия Цин правила в Китае с 1644 по 1911 г.
- (14) Китайские дела Посольского приказа и Коллегии Иностранных дел. Ныне: ЦГАДА. – Ф. 62 (Сношения России с Китаем); *Бантыш-Каменский, Н.Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами, с 1619 по 1792 г. – Казань, 1882.
- (15) *Бичурин Н.Я.* Описание Тибета в нынешнем его состоянии. С картою дороги от Чэнду до Лхасы. Перевел с китайского монах Иакинф. – СПб., 1828; Разные известия о Китае (Оригинальное русское сочинение из записок путешественника) // Северный архив. – 1828. – Ч. 31. – № 2. – Отд. V. – С. 289–311; О Китайской империи // Сын Отечества. – Т. 1. – С. 331–342; Т. 2. – С. 24–33; Описание Пекина. – СПб., 1829; Ся-сяо-чжен, или Земледельческий календарь китайцев // Московский телеграф. – 1830. – Ч. 32, № 7. – С. 263–281; Взгляд на просвещение в Китае // Журнал министерства народного просвещения. – 1838. – Ч. XVIII. – № 5. – С. 324–366; № 6. – С. 568–595; О шаманстве // Отечественные записки. – 1839. – Т. VI. – № 11. – Отд. II. – С. 73–81; Меры народного продовольствия // Отечественные записки. – 1839. – Т. VII. – № 12. – Отд. II. – С. 47–56; Буддийская мифология // Русский вестник. – 1841. – Т. 3. – № VII. – С. 136–160; Изложение буддийской религии // Русский вестник. – 1841. – Т. 1. – № III. – С. 682–709; Китай в гражданском и нравственном состоянии. Сочинение монаха Иакинфа в четырех частях. – СПб., 1848; и др.
- (16) *Сербиенко В.В.* К характеристике образа китайской культуры в русской общественной мысли XIX в. // Общество и государство в Китае: XVII науч. конф. Тезисы и доклады. Ин-т востоковедения. – М., 1986. – Ч. 1. – С. 47.
- (17) *Тимковский Е.Ф.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820–1821 гг. – СПб., 1824. – Ч. 2; *Добель П.В.* Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и Индо-Китайском архипелаге. – СПб., 1833; *Ковалевский Е.П.* Путешествие в Китай. – СПб., 1853; *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. – М., 1976.
- (18) АВПРИ. – Ф. 340. – Оп. 868. – Д. 9. – Л. 1; Ф. 340. – Оп. 868. – Д. 11. – Л. 31–31 об.
- (19) Там же. – Ф. 143. – Оп. 491. – Д. 1980. – Л. 9–10; Ф. 340. – Оп. 839. – Д. 6. – Л. 5–33 об.; *Коростовец И.Я.* Китайцы и их цивилизация. – СПб., 1896.
- (20) АВПРИ. – Ф. 148. – Оп. 487. – Д. 15. – Л. 1–9.
- (21) *Покотилов Д., Чешев И.* Отчет о поездке, совершенной Д. Покотиловым и И. Чешевым весной 1898 г. по южной части Ляодунского полуострова, уступленной в арендное пользование. – СПб., 1898. – С. 12.
- (22) АВПРИ. – Ф. 340. – Оп. 862а. – Д. 1. – Л. 9, 10.
- (23) Там же. – Ф. 143, 148, 340.
- (24) *Снесарев А.Е.* Востоковедные статьи. 25-летие офицерских курсов восточных языков // Голос правды. – 1908. – 20 ноября. – № 950.
- (25) Подр. см.: *Решетов А.М.* История изучения этнографии народов Китая в МАЭ // Краткое собр. докладов сессии Института этнографии Академии наук СССР, посвященной 100-летию создания первого академического этнографо-антропологического центра. – Л., 1980. – С. 8.
- (26) *Грановский Т.Н.* Соч. – М., 1900; *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896 гг. – М., 1991; *Реклю Э.* Срединная империя: климат, почва, племена, богатства, духовная жизнь и учреждения Китая / Пер. с франц. О. Косагоской. – СПб., 1904; *Род Ж.* Современный Китай. – М., 1912.

**IMAGE OF CHINA IN CONSCIOUSNESS
OF RUSSIAN EDUCATED SOCIETY
OF THE 17th – EARLY 20th CENTURIES**

Y.H. Blagoder

Chair of Political Sciences And Law
Kuban State Technological University
Moskovskaya Str., 2, Krasnodar, Russia, 350072

S.S. Mints

Chair of the pre-Revolutionary Russian History
Kuban State University
Stavropolckaya Str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

The article analyses the role of the concept of 'image' in the anthropological interpretation of the history of public consciousness, the specificity of source and method study of historical-anthropological research and the evolution of the image of China in the Russian society in the 17th – early 20th centuries.

Key words: historical anthropology, social consciousness, phenomenological paradigm, system method, source study of historical-anthropological research, Russian culture, image of China, the study of China in Russia, Chinese civilization, Chinese culture, intercultural communication.